

«Они, прозенные насквозь, рядком торчат на эпиграммах». Так писал Пушкин о своих журнальных врагах в 1829 году. Да, как и в вопросах чести, он был бескомпромиссен и во всем, что касалось его творчества, его литературных взглядов и позиций. Эпиграммы, адресованные им светским недругам или своим критикам-хулителям, были беспощадно остры, блестящи по форме, игре слов, остроумию. Даже оставаясь анонимными, они выдавали его авторство.

...Он по ногтям узнал меня в минуту, Я по ушам узнал его наизусть, — писал поэт в эпиграмме на А. Е. Измайлова.

Именно эти строки вспомнились мне, когда я просматривала потропанный томик журнала «Славянин» за 1830 год. На истертом кожаном корешке чуть заметны следы золотого тиснения, на титульном листе надписи

держанию, идентична первой. Разница лишь в том, что эта направлена на лицо, уже свершившее и продолжающее вершить свое черное дело, усыпляя, одурманявая читателя ополумом, отравленным ядом бешенства. В первой же автор словно предупреждает кого-то, дает почти дружеский совет: остерегайся яда, спрятанного под излишней усыпляющей хвалой. И две последние строки звучат не оскорблением, не укором, а скорее — нравоучением. «Когти» здесь, хотя и не выпущены, спрятаны, но все равно они выдают автора. Так Пушкин это или нет? Такой его эпиграммы мы не знаем. Ну а похожая на пушкинскую анаграмма подписи?

Смотрю словарь псевдонимов Масаюва. Псевдонима «нк-у» него вообще не значится. Всего же известно 38 псевдонимов Александра Сергеевича. В том числе: «Александр Нкпш», «-нь», «Н. К.», «-П». Похоже, что отдельные элементы этих анаграмм

ГИПОТЕЗЫ. ДОГАДКИ. ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

гегив в марте 1825 года к брату из Тригорского. — Налиши мне, благодиятен ли тон его критик — если нет, пришло эпиграмму». Это была его реакция на заметку в «Вестнике Европы» с бранными выпадами по поводу «Черной шали» и «Кавказского пленника». Быть может, Пушкин грозился той самой эпиграммой, написанной им в 1824 году, но

прямую связь и со словами Пушкина, и с найденным нами четверостишием. Смысл обеих эпиграмм очень близок, выражена, в сущности, одна и та же мысль. Ну а кто же такой таинственный «В.», породивший шум журнальной полемики? Под литерой «В» скрывался поэт, критик, издатель и журналист, член «Арзамаса» Александр Федорович Воейков. Отпрыск старинного дворянского рода, он был бесспорно талантливым, но ни то, ни другое не мешало ему погасить свой талант на службе беспринципности и сугубо житейской выгоде. Яркую характеристику Воейкова дает в одной из своих работ М. Гиллельсон, где он пишет, что Воейков был человек разносторонних дарований, но о котором даже «Фаддей Булгарин, сам журналист, не брезговалший никакими средствами, писал:

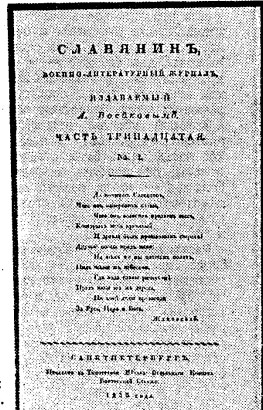
Только только занялся зарей
И солнце стало над горой,
Воейков едет на разбой,
Сарынь на ничку кинет!

В ОТВЕТ НА НЕУЕМНЫЕ ПОХВАЛЫ

А. Ф. ВОЕЙКОВ. Портрет работы неизвестного художника.

Титульный лист журнала А. Воейкова «Славянин».

и печати бывших владельцев. Да и не удивительно. Ведь во сколько руках побывал этот томик за свою долгую жизнь? Хотя, казалось бы, и читать-то в нем особенно нечего. Редко когда мелькнет в отделе изящной словесности стихотворение Федора Глинки или Вяземского. А так все больше давным-давно забытые, вместе с их бесталанными виршами, имена Синова, Пальмина, Олина. На секунду задерживаюсь взглядом на стихах, подписанных буквой «П.». Ведь так подписывался иногда и Пушкин. Но как же далеки от него строки:

Как ты, Египтянка, прекрасна!
Исполнен чувства голос твой;
Смажи мне: страсти ровной,
Слушай ты? Была несчастлива?
Листую еще несколько странич.
И вдруг среди их полугоравковой
забвенности удивительно свежим,
сегодняшним, врывается четверостишие эпиграммы:
Брани меня, не бойся драки!
Лишь сделай милость,
не хвали: собачки,
Не страшен громкий лай собачки,
Но страшен тихий свист змеи.

Сразу возникло ощущение чего-то очень знакомого, не раз читанного. Так это же Пушкин! Его эпиграмма на Каченовского. Хотя нет, так иначе. И потом ведь известно, что в этой, тринадцатой части «Славянина» за 1830 год стихотворений Пушкина не было. Но четверостишие такое пушкинское! Безуоруживенность его формы, отточенная лаконичность при глубине и ясности мысли... Великолепная аллитерация последней строки. Да и подпись, анаграмма имени стиха, тоже знакомая, пушкинская. Или нет? Открываю собрание сочинений Пушкина. Вот она, эпиграмма на Каченовского, датированная 1824 годом:

Охотник до журнальной драки,
Сей усыпительный зомб,
Разводит оплум чернил
Сляночно бешеной собачки,
Конечно, здесь все иначе. Но в то же время эта эпиграмма совершенно, и по форме, и по со-

составляют подпись под обнаруженной эпиграммой. Из первой и второй — прописные «нк», из третьей — просто «нк», из четвертой — тире с обеих сторон. В итоге — «нк-». Но все же это не доказательство. Это может быть какой-нибудь Николаев или наоборот — Князев. И хотя обе эпиграммы безусловно очень схожи между собой, но и здесь может иметь место или редчайшее совпадение, или элементарное подражание, а может быть, и плагиат.

А если все-таки неизвестный Пушкин? Его новый текст? Тогда сразу возникает вопрос: когда, где написана эпиграмма? В связи с чем? Кому адресована? Как она оказалась в этой книжке «Славянина»? А главное — найти если не прямые, то хотя бы косвенные доказательства его авторства. Видимо, с этого и нужно начинать.

Вспомним, кто такой был Каченовский? Что связывало его с Пушкиным? Почему более десяти лет он был постоянной мишенью колких и злых насмешек поэта, написавшего на него около десятка эпиграмм?

Михаил Трофимович Каченовский был издателем журнала «Вестник Европы». Профессор истории, журналист, переводчик. Стоящий на консервативных позициях в вопросах литературы и истории, он через свой журнал вел постоянную борьбу с романтической школой Карамзина, с «Арзамасским братством», членом которого, как известно, был Пушкин. С начала 1820-х годов Каченовский становится одним из литературных врагов самого поэта. Его журнал был единственным, поместившим откровенно враждебную рецензию на первую публикацию «Руслана и Людмилы». Так же отрицательно он реагировал и на последующие выступления молодого автора. Пушкин отвечал на критику Каченовского рядом эпиграмм, которые зачастую расходились по рукам в списках.

«Каченовский восстал на меня, — обращался Александр Сер-

тогда еще неизвестной в литературных кругах. Она будет опубликована через год в его первой книжке стихов.

Вслед за нападениями «Вестника Европы» с подробным и в целом положительным разбором «Руслана и Людмилы», подписанным буквой «В.», выступил журнал «Сын Отечества». Позднее Пушкин упомянул об этом разборе только как о «самом пространном». А сразу после его публикации писал Н. И. Гнедиуч в декабре 1820 года из Каменки: «...не примирить меня с критиками, которые нашел я в том же «Сыне Отечества». Кто такой этот В., который хвалит мое честолюбие, укоряет меня в безстыдстве, говорит мне: красней, несчастней? (Что, между прочим, очень неумно)». Согласно мнению неизвестного эпиграммиста — критика его (автора разбора. — Б. М.) для меня ужасно как тяжко... Пушкин не скрывал своего раздражения, вызванного частым пустословием, а порой нетактичными высказываниями автора рецензии на его поэму. Упомянутым неизвестным эпиграммистом был Иван Андреевич Крылов, заметивший в том же «Сыне Отечества» рецензенту поэмы:

Напрасно говорить,
Хоть над поэмою и долго
Красот ей не придищи,
И не умалиши!
Враня, всем кажется,
Хвала — ее бранить;
Ее автором был ближайший друг Пушкина — Антон Дельвиг. В его строках нетрудно увидеть

А Пушкин даже изобрел неологизм: воейковствовать, то бишь быть головорезом в литературном ремесле.

После женитбы в 1814 году на любимой племяннице Жуковского Александре Андреевне Протасовой, приходящейся одновременно женой Карамзина, Воейков стал родственником обоих писателей, которые с тех пор «вынуждены были оказывать ему всяческую помощь и глядеть сквозь пальцы на его неблагоприятные поступки». Он, например, как говорил Ю. Оксман, «беззастенчиво печатал и перепечатывал в своих журналах старые и новые вещи Пушкина, без его ведома и согласия» (выделено мною. — Б. М.).

Но все это было позднее. А в начале 1820-х годов, вслед за разбором «Руслана и Людмилы», Воейков начинает нарочито восторженно отзываться о творчестве Пушкина: «талант певца Бахчисарайского фонтана, может быть, теперь есть первый пиитический талант в Европе...». Такие панегирические высказывания не могли не шокировать и вызывать иронию поэта. В январе 1824 года он пишет брату из Одессы: «Благодарю вас, друзья мои, за ваше милостивое пожелание о моей славе!.. благодарю Воейкова, моего высокого покровителя и знаменитого друга...» (выделено мною. — Б. М.).

В 1827 году Воейков, наряду с другими, начинает издавать журнал «Славянин». Журнал выходил еженедельно, а в 1830 году — два раза в месяц. Он состоял из военного и литературного разделов.

Среди произведений военного раздела «Славянина» следует отметить «Письма генералиссимуса Суворова к Багратиону» и описание Бородинской битвы. На страницах литературного отдела печатались произведения В. А. Жуковского, Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, Ф. Н. Глинки, Н. М. Языкова и А. С. Пушкина. Но больше всего места в журнале отводилось переводной беллетристике. В тринадцатой части «Славянина» и была поме-

произведению следует сказать, что оно было опубликовано в тринадцатой части «Славянина» впервые и под ним стояла подпись: «П.».

Жуковский оказывал покровительство Воейкову, которым он дорожил. А зная об отношении Жуковского к Пушкину, даже при всей своей беспринципности он вряд ли решился бы натравить чисто-то эпиграмму, столь похожую на пушкинскую, да еще подписанную псевдонимом «нк-». Скорее, можно предположить, что эту эпиграмму Пушкин адресовал самому Воейкову в ответ на его неумные похвалы. Написана она была в 1820 или 1824 году (вернее последнее, судя по ее относительной мягкости и нравственной неустойчивости). Пушкин тогда еще не стал публиковать, а просто передал адресату. Зато в другом своем варианте, несравненно усиленном и заостренном, направленная ему против Каченовского, она появилась в сборнике стихотворений поэта в 1826 году. Первый же, так сказать, «воейковский» вариант текста ее был опубликован адресатом, быть может, без ведома автора спустя несколько лет в «Славянин», и под эпиграммой стоял «собирательный» псевдоним поэта.

Вот, пожалуй, все, чем мы можем подкрепить свое мнение о том, что автором найденной эпиграммы был Александр Сергеевич Пушкин. Можно еще добавить, что обе приведенные эпиграммы перекликаются своими рифмами с одним из «Нравостительных четверостиший», написанных Пушкиным совместно с Языковым в 1826 году:

Безвредная ссора
За ночь поспорили собачки,
Но, поворачив, унялись
И по домашнему разошлись.
Бывают ссоры и без драки.

Будем надеяться, что наши предположения и догадки заинтересуют пушкинистов. Ведь последнее слово остается за ними.
Борис МАТВЕЕВСКИЙ